

ФАКТОР УГРОЗЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БРИТАНИИ XVIII ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена представлениям англичан XVIII в. о политических угрозах. Одной из них было стремление Стюартов вернуть престол, другой – утверждение об опасности существования конституции, выраженное в политическом дискурсе. Конституция Британии представляла собой комплекс хартий и законов, принятых в разное время. Наиболее важными в восприятии политиков того времени были Великая хартия вольностей, Хабеас корпус акт, Билль о правах. Апелляция к ним в ходе парламентской полемики сопровождалась интерпретацией прошлого и рождением новых исторических мифов, которые потеснили идею о древней конституции.

Ключевые слова: Британия XVIII в., конституция, права и свободы, миф о древней конституции.

Об авторе: Айзенштат Марина Павловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей РАН, 119 334, г. Москва, Ленинский проспект 32а. m.aizen@mail.ru

Со времени свершения Славной революции в 1688–1689 гг. британское общество в целом, и политическая элита, в частности, находились в состоянии тревоги и обеспокоенности. Угрозы, мнимые и реальные, возбуждали возмущение современников, провоцировали политические столкновения и обвинения в адрес оппонентов, публикацию многочисленных памфлетов с целью доказательства их существования, или опровержения и т.д. Так, с конца XVII и на протяжении первой половины XVIII века серьёзными угрозами мирному течению жизни страны представлялись, с одной стороны, усиление королевской власти, способной гипотетически отказаться от положений Билля о правах. В целях предотвращения этого Парламент принял ряд мер по дальнейшему ограничению влияния королевской власти. Новый порядок закреплялся в ходе парламентской практики и функционирования парламентских партий тори и вигов [1:40–66]. С другой стороны – серьёз-

ное напряжение вызывали не только угроза реставрации Стюартов на британском престоле, но и та поддержка, которую они получали от своих многочисленных сторонников в Шотландии и в среде тори [9]. Реальность осуществления их воцарения подтверждали действия Якова II и его наследников. На протяжении века Лондон направил усилия на выработку политики по усмирению недовольства, разрушению клановой структуры и экономики региона [3;6]. С возникавшим недовольством, волнениями и бунтами правительство действовало достаточно решительно, но не всегда успешно. Так это было в случае с «делом» Джона Уилкса и борьбой американских колонистов. Таким образом, можно констатировать, что Парламент и администрация короля оценивали возникавшие угрозы и с разным конечным успехом вырабатывали курс, направленный на их устранение, либо нивелирование возможных последствий.

Между тем, в политическом дискурсе на протяжении века вставал вопрос об угрозе иного характера, а именно – угрозе конституции. Для выявления причин возникновения подобных утверждений необходимо подробнее рассмотреть, что собой представляла конституция. А также, какой смысл вкладывали современники в это понятие.

Конституция в современном смысле, то есть – специально разработанный кодекс, основной закона государства, отсутствовала в Британии XVIII века. В мировой истории конституционное строительство началось лишь в последней трети столетия. Оно было связано с появлением молодого государства в Северной Америке и попытками выработки конституций на протяжении первых лет бурного протекания Французской революции. Тем не менее, в Британии роль неcodифицированной конституции играл комплекс хартий и статуты, появившихся в Средние века, а также актов конституционного характера XVII – начала XVIII в. Большинство из них появилось в результате разрешения конкретных социально-политических кризисов, либо поиска компромисса. Среди них – Великая хартия вольностей, Хабеас корпус акт, Билль о правах и другие.

Великой хартией вольностей (Magna carta) потомками был назван политико-правовой документ 1215 г. [17:150–152; 13]. Он касался взимания налогов, сборов, повинностей и осуществления судопроизводства, прав церкви. По сути, он вводил ограничения королевской власти и защищал права и привилегии свободного населения средневековой Англии. В основу Хартии после длительного обсуждения легли предъявленные королю Иоанну Безземельному требования восставшей английской знати. Подписывая соглашение, король намеревался выиграть время, чтобы покончить со смутой, но на следующий год он скончался. Его преемник утвердил лишь часть положений Хартии. Статус законодательного памятника в Англии имела Хартия в редакции 1225 г. В 1571 г. вышло перовое частичное издание Большой хроники Матвея Парижского. Он работал над ней примерно с 1236 г. до смерти в 1259 г. У Матвея Парижского содержится гибридный текст Хартии, основанный на нескольких редакциях (1215, 1217, 1225 гг.). Джон Селден обратил внимание на разночтения между версиями Хартии у Матвея Парижского и официально действующей редакцией 1225 г. [7:16–17]. Первое критическое издание разных версий Хартии сделал У. Блэкстон в 1759 г. Но и сочинение Селдена оказало значимое влияние на умонастроения оппонентов власти, а положения Хартии использовали члены Палаты общин при подготовке «Петиции о праве» (1628 г.).

Хабеас корпус акт утвердил Парламент в 1679 г. Причина его появления заключалась в политике Карла II, направленной на подавление оппозиции путем бессудных арестов. Тогда, чтобы поставить преграду действиям властей, Парламент определил правила ареста и привлечения к ответственности любого человека. Закон предусматривал предоставление суду права контролировать законность задержания и ареста, а гражданам гарантировал предъявление обвинения или выпуска под залог. Специально оговаривалось, что залог должен носить разумный размер.

Билль о правах явился своеобразным политическим итогом наполненного бурными событиями XVII века, разрешив один из острейших вопросов эпохи о пределах власти монарха и права Парламента. Билль состоял из трех частей. В первой перечислялись поступки Якова II Стюарта, приведшие к недовольству народа, и говорилось о его бегстве из страны. Во второй части повествовалось о вмешательстве Вильгельма Оранского, возведении на престол Вильгельма и его супруги Марии, их согласии выполнять условия, выдвинутые Парламентом. Последний раздел состоял из перечисления тех самых условий – прерогатив короны, «древних прав и вольностей» народа [11:122–128; 1:37–38]. Билль провозглашал нелегитимным приостановление действия законов простым королевским повелением; взимание сборов в пользу короля и распоряжение ими без согласия Парламента; набор и содержание войска в мирное время в пределах королевства разрешались только с согласия Парламента. Билль подтверждал свободу выборов в Палату общин, свободу слова и прений в обеих палатах; оговаривались частые и регулярные его созывы. Восстановлен порядок функционирования суда присяжных, введен запрет на требования чрезмерных залогов, наложения непомерных штрафов, жестоких и необычных наказаний. Подтверждалось право обращения к королю с жалобами. Так в ходе Славной революции был урегулирован вопрос о власти, установлен новый государственно-политический режим. Хотя прерогативы короны оставались довольно обширными. Основными положениями Билля о правах стали разграничение законодательной и исполнительной ветвей власти и утверждение протестантского образа правления. Что законодательно закрепило отстранение от власти католика Якова II и его наследников. Это придавало Биллю характер конституционного документа. За утверждением Билля о правах последовало решение другого насущного вопроса века – была провозглашена свобода вероисповедания, а в ходе парламентской практи-

ки произошёл отказ от цензуры. Между тем, как свобода совести была «дополнена» ограничением политических и гражданских прав нонконформистов и католиков; так и отказ Парламента от возобновления акта о цензуре сопровождало утверждение Лицензионного акта, вводившего ограничения на печатное дело и публикацию газет.

Таким образом, Билль о правах стал центральным законом конституционного характера, частично поглотив наиболее важные положения Хабеас корпус акта и Великой хартии вольностей. При этом последняя сохранила скорее декларативный характер относительно прав и свобод.

Тем не менее, происхождение корпуса статутов, хартий и законов, принятых на протяжении Средних веков, в условиях отсутствия единого уложения создавало богатую почву для толкования правового прошлого страны. Так, со времён раннего Средневековья в политических кругах бытовало мнение о существовании древней конституции. Таковой одни считали законы короля Альфреда, другие – свод законов Эдуарда Исповедника [2; 8; 12]. В условиях действия прецедентного права и силы традиций в политической и повседневной жизни упоминание любого из указанных и многих других законов неизбежно было связано с историей страны и объяснением их появления. Так, представление о свободах и конституции непосредственно трактовалось в контексте интерпретации событий прошлых лет, а их толкование напрямую зависело от эрудиции, философских и политических взглядов отдельного человека, либо социальной группы. Это ярко проявилось уже в годы Английской революции, когда обострился вопрос о пределах власти монарха и Парламента. Тогда обе стороны апеллировали к прошлому, доказывая правоту собственной позиции [2: 102–126].

Несмотря на отсутствие формальной конституции, понимаемой в современном смысле этого слова, её обсуждение заняло одно из важных мест в политических представлениях, дискуссиях и работах историков XVIII в. В этом

столетии актуализация истории Англии в целом и проблемы конституции, в частности, была обусловлена свершением Славной революции, появлением Билля о правах, а также противостоянием тори и вигов на протяжении первых десятилетий XVIII в. Кроме того, немаловажную роль играло стремление современников разобраться в драматических событиях прошедшего века, понять их причины и оценить последствия. Как и в годы Английской революции, прошлое страны предоставляло всем сторонам аргументы для обоснования собственной позиции. Виги, исходя из политических принципов, полностью одобряли осуществление Славной революции, принятие Билля о правах и смену монархов на троне. Угрозу установленного режима они видели в Стюартах и той поддержке, которую им оказывали католические государства и сторонники в Британии. Тори занимали противоположную позицию. Большинство из них придерживалось убеждения в укоренившейся с древних времён традиции наследственной монархии в Англии. Этому принципу противоречили возведение на престол Вильгельма Оранского и Марии, а также положения Акта об устроении, определившего череду наследников престола после смерти Вильгельма III и переход трона к немецким наследникам Якова I Стюарта из Ганноверской династии. Во вмешательстве Парламента в вопросы престолонаследия тори видели опасность для конституции и оставались сторонниками свергнутой династии Стюартов. А с приходом Ганноверской династии, когда тори на десятилетия были отстранены от власти, в их представлениях усилился мотив угрозы конституции. Они доказывали, что люди не вольны избирать ни форму правления, ни самого правителя, а являются подданными той абсолютной власти, которую правителям дал Бог. Такая позиция опровергала правомочность Парламента, собравшегося в 1689 г., и его решений [14; 15; 22; 23].

Ведущим идеологом тори с середины двадцатых до середины тридцатых годов был Генри Сент-Джон, лорд

Болингброк. Жизнь Болингброка, талантливое политика и государственного мужа, была отмечена триумфами и недалёковидными, опрометчивыми шагами. С приходом Ганноверов он отправился в эмиграцию. Но получив прощение монарха, вернулся в Англию. Быстро превратился в лидера группы тори, издавал журнал, где подвергал критике политику администрации короля, формулируя позицию тори. Неудача атаки на главу кабинета Р. Уолпола привела к новому отъезду во Францию, где Болингброк написал получившие широкую известность после публикации в Англии в пятидесятые годы «Письма о пользе и изучении истории». В своем сочинении Болингброк высказал убеждение в том, что Славная революция восстановила изначальные принципы англо-саксонской системы правления. При этом он акцентировал внимание на том, что система обновлена и усовершенствована [4:168, 183]. Несмотря на размытость терминов, использованных, но не объяснённых Болингброк, он проводил параллель между конституцией и свободой. «Дух свободы», полагал автор, был воспринят от саксонских предков и «неведомых времён народного правления». Этот дух, утверждал он, сохранялся в народе в борьбе против узурпаций Плантагенетов и Тюдоров и не стерпел попражнения своих прав и привилегий Стюартами. Тогда настал час, когда терпеть стало постыдно и губительно. И была восстановлена «свобода нашей готической системы правления» [4:169]. «Нас нельзя лишить свободы, — писал Болингброк, — покуда существует и действует конституция, как нельзя отторгнуть от нас конституции, покуда мы сами не станем соучастниками тех, кто нарушает её. Ибо в нашей конституции заложено больше, нежели в любой другой, древней или нынешней, не только для сохранения свободы, но и для продления собственной долговечности вплоть до бессмертия, если таковым может стать творение рук человеческих» [4:183].

Из разбросанных по тексту «Писем» высказываний Болингброка, можно заключить, что при всей неопределен-

ности терминов «конституция» и «свободы» конституция для него означает государственное устройство любого королевства. Для Англии, полагал он, важнейшую роль в таком устройстве играл баланс сил, а нарушение баланса создавало угрозу конституции. Устройство и свободы взаимосвязаны, но не соединены. Главную угрозу же тому и другому он видел в злоупотреблениях вивгов, главным образом в той коррупции, что расцвела в годы пребывания у власти его политического противника – Р. Уолпола.

Другим значимым историческим сочинением, публикация которого началась в середине столетия, стала многотомная «История Англии» Дэвида Юма. Важным положением сочинения стали показ иллюзорности утверждений о «древней свободной конституции» донормандской Англии и призыв ценить конституцию существующую. Историческое сочинение служило иллюстрацией одного из основополагающих положений политической философии Юма, а именно, утверждения об эволюционном развитии государственных форм [16:38, 237, 284–285, 298]. Тем не менее, при всех расхождениях Юм, как и Болингброк, подчёркивал размытость представлений о конституции. Оба подразумевали под ней устройство, которое включало Великую хартию вольностей, Хабеас корпус акт и Билль о правах, но не учитывало изменений в правоприменительной практике.

Однако позиция обоих авторов по многим проблемам имела существенное отличие. Прежде всего, оно касалось вопроса о существовании древней конституции. Этот исторический миф сохранял свою привлекательность и во второй половине столетия. О чём свидетельствуют различного рода публикации. В качестве примера укоренения таких представлений достаточно привести одно из сочинений тех лет. Это энциклопедия, подготовленная и изданная викарием графства Оксфорд Дж. Грейнджером [2]. В ней история страны предстает в контексте описания личности правителей и их окружения. Открывает энциклопедию раздел об

Альфреде Великому. Благодаря «счастливному соединению хороших качеств», отмечал автор, Альфред защитил страну от рабства, ввел превосходные законы, строил флот, насаждал знания, заложил основы английской конституции [2:142–143]. Убежденность в существовании древней конституции явилась фундаментом формирования радикальной мысли. Функционирование конституции в отдаленные времена признавалось многими радикалами – авторами памфлетов, сочинений политического и философского характера, что превращало её в аксиому, не требовавшую доказательства [8: 12, 19, 279, 335]. Однако в отдельных вопросах толкования прошлого радикалы расходились. Так, своеобразием отличалась позиция Джона Картрайта, названного современниками «Отцом Реформы» после публикации им в 1776 г. радикального памфлета «Сделайте свой выбор!» [2:150–157].

Как отмечалось выше, при размытости термина тема конституции неизменно присутствовала в политической полемике. При этом возникавшие кризисные ситуации, происходившие незначительные подвижки или новации провоцировали ораторов заявлять об угрозе конституции.

Готовность видеть угрозу в любых нарушениях традиций политической жизни продемонстрировало обсуждение в Парламенте результатов парламентских выборов в графстве Оксфорд. Тогда шериф утвердил избрание 4 «рыцарей» вместо двух, как это было закреплено в законе. В ноябре 1754 г. в Палату общин поступили петиции от джентльменов, служителей церкви и фригольдеров графства, а также недовольных кандидатов. Все они жаловались на проведение выборов, которые были отмечены небывалым накалом противостояния кандидатов и их сторонников, что отразило политическое размежевание жителей графства. К тому же соперники очень дорого даже по ценам того времени заплатили за подкуп избирателей [20:132]. Траты кандидатов говорили о размахе использования коррупционных приёмов на парламентских выборах.

С первой речи и на протяжении всего длительного времени рассмотрения жалобы в Палате общин звучали аргументы в подтверждение возникшей опасности для конституции. В качестве угроз конституции оппозицией выдвигалось вынесение шерифами незаконных постановлений [14: 395–398], участие в выборах копигольдеров и другие нарушения. Что касается не соответствовавших установленному порядку вердиктов шерифов, то в ходе прений были выявлены подобного рода казусы. Они случались редко, в отдельных избирательных округах, и скорее свидетельствовали о нарастании политического размежевания в среде избирателей после осуществления Славной революции. Также выяснилось, что копигольдеры как держатели земли по договору, находились в зависимом положении от землевладельца и не имели права голоса на парламентских выборах. Тем не менее, в некоторых округах сложилась практика допуска этой категории арендаторов к выборам при соответствии их дохода избирательному цензу. То есть в реальности ни один из аргументов существования угрозы для конституции не имел реальной основы, а скорее, она представляла в качестве приёма политической борьбы. Сторонники правительства вигов решительно опровергали доводы оппозиции [2: 110–123]. При этом в речах большинства выступавших ораторов конституция и права граждан зачастую были разъединены.

Между тем, в парламентской полемике, и прежде всего, в речах вигов 1770–1790-х гг. понятие «конституция» получило более сложное наполнение, что стало следствием изменения политической обстановки в стране, развития политической и правовой мысли и практики. Восшествие в 1760 г. на престол Георга III повлекло отстранение от власти старых кланов вигов. Оказавшись в оппозиции, их представители в ходе дебатов в обеих палатах позиционировали себя в роли защитников конституции. Опасения оппозиционеров вызвала уверенность в том, что политика Георга III направлена на усиление королевской власти и от-

каз от положений Билля о правах. Подобные утверждения не соответствовали реальности, так как Георг III был щепетилен в вопросах соблюдения положений Билля о правах. Вместе с тем, нападая на администрацию, виги обвиняли её в нарушении конституции. Подобная риторика возрастала во время политических кризисов последней трети века. Одновременно в их высказываниях выражалось неприятие идей радикалов.

Представление о конституции зачастую носило эмоциональный оттенок. Об этом свидетельствуют утверждения, характерные для представителей Палаты общин. В них говорилось, что конституция создана мудростью предков, и она должна быть предметом постоянного восхищения [21:580, 623]. Однако толкование вигами конституции расширялось в зависимости от обсуждавшихся проблем. Так Дж. Савиль уподобил конституцию дереву, корни которого проросли в сердца англичан. Поэтому, утверждал он, её нельзя менять, не разбив их сердца [19:1429–1430]. Х. Уолпол сравнивал конституцию с пирамидой, устойчивость которой придают свободы, составлявшие её фундамент [18:441–450]. Р. Шеридан, говоря о революции 1688 г. и принятии Билля о правах, рассматривал их как славную эру, которая принесла реальную свободу [19:367–370]. Лорд Стенхоуп заявлял, что свобода прессы с полным правом может считаться главным оплотом конституции, на которой основаны права, привилегии и преимущества народа. Он подчёркивал, что все важные положения английской конституции основаны на свободе прессы. В данном вопросе оратор игнорировал тот факт, что цензура была отменена в начале 1690-х годов, но в отношении прессы сохранялись существенные ограничения. Среди главных принципов конституции Стенхоуп также отметил гражданские свободы и права подданных вооружаться для обеспечения собственной свободы и безопасности, обладать представительством – нельзя ими управлять без их согласия и отвечать перед судом присяжных [20:1043–1045].

Стенхоуп неоднократно говорил о превосходных положениях английской конституции, которые скопировали французы. Это превосходство, по его словам, составляли Билль о правах, Хабеас Корпус Акт, суд присяжных и свобода прессы [20:902]. Любопытно то, что при этом ораторы не вспоминали закон о свободе совести, принятый после утверждения Билля о правах, но являвшийся важным его дополнением, разрешавшим одно из острых противоречий предыдущего столетия. Более того, сложившееся клише не включало такие важнейшие положения политической и правовой мысли, как разделение ветвей власти, пределы сопротивления тирании монарха и т.д. То есть, те основные положения, которые составили суть Билля о правах.

Иным образом трактовал вопрос о появлении и сути конституции Р. Шеридан. Он утверждал, что дух и слава английской конституции состоят в заложенном в ней принципе проведения любого рода реформ. «Что такое история нашей конституции, как не обширная серия реформ!» – восклицал оратор во время дебатов в Палате общин. Реформами, утверждал он, народ (подчеркнуто мной – М. А.) укреплял конституцию и разрушал притеснения и тиранию. Шеридан возражал против сравнения конституции со зданием, к которому нельзя прикасаться без угрозы его разрушения. Он представлял конституцию в виде подвижной модели, которая претерпела существенные изменения [20:1188, 1192]. Однако в среде представителей Палаты общин и некоторых лордов укоренялась идея о мудрых предках, которые порой ценой жизни, отстаивая права и свободы, предвосхитили и утвердили конституцию. В устройстве королевства аристократия выступала в роли связующего звена, объединяющего все ветви власти, что придает конституции стабильность и силу (2:166, 205).

Итак, британские законы конституционного характера являлись продуктом конкретного времени и политических обстоятельств. Это предопределило «размытость» их положений и возможность различного толкования в буду-

щем. Значительная роль, которая отводилась законам короля Альфреда или Эдуарда Исповедника, проистекала из представлений о конституции как об устройстве королевства. Это убеждение, наряду с другими факторами, позволяло видеть в законах Альфреда или Эдуарда Исповедника древнюю конституцию. Миф о ней стал отправной точкой для выработки радикальной программы, содержавшей положения по переустройству системы представительства в Парламенте и расширения прав народа. Однако со второй половины века, главным образом – в последние его десятилетия, представление о древней конституции постепенно вытеснялось иными концептами под влиянием американской конституции и конституционализма во Франции. Тогда в политическом дискурсе Британии отмечалось расширительное толкование актов конституционного характера. Новые представления не получили повсеместного распространения и всеобщего одобрения. Вместе с тем, взгляд на свободы не отличался существенными подвижками. Их действие охватывало лишь избранную группу населения королевства, большая часть которого была лишена, например, политических прав и не участвовала в парламентских выборах. Это положение вещей объяснялось тем, что политическая элита, аристократия и сквайры под народом Англии подразумевали только собственников земли. Остальных они относили к категории населения, низов, находившихся в зависимом положении от землевладельца или прихода в связи с получением вспомоществования. Такое положение вещей позволяло титулованной знати сохранять в своих руках власть в королевстве на местном и государственном уровнях. А свободы, утверждали виги, были отвоёваны именно их предками в борьбе против попыток усиления королевской власти [2:119–120].

Таким образом, идея о конституции как о своде законов того или иного короля постепенно вытеснялась представлением вигов о совокупности законов, принятых в разное время благодаря мудрости предков, которые неизмен-

но отстаивали в королевстве законность и свободы народа. Так миф о конституционализме королей сменился мифом о благородных и свободолюбивых предках, отважные и мудрые действия которых заложили основы современного порядка. Эта концепция с более либеральными или консервативными вариантами вполне устраивала политическую элиту. Но для низов более привлекательной оставалась концепция древней конституции и лозунг о возвращении народу отнятых у него прав и свобод. Среди них центральное место заняло право самим избирать своих представителей в Парламент, что и была призвана решить его радикальная реформа.

Угрозой конституции, о которой на протяжении десятилетий говорили то тори, то виги, скорее можно рассматривать либо в качестве аргумента политической борьбы с оппонентами, либо как выражение политических принципов. Именно этим можно объяснить сам характер большинства называвшихся угроз: вмешательство Парламента в дела престолонаследия, участие в парламентских выборах копигольдеров, гипотетическое усиление власти Георга III и т.д. Но для властей она приобрела реальные очертания, когда под влиянием Французской революции в Британии получили распространение радикальные идеи и создавались различные общества, в том числе и тайные организации [1]. В условиях надвигавшейся войны с революционной Францией [5:163–167] перед британским кабинетом встали задачи подготовки к ней и подавления деятельности крамольных обществ. Решить их была призвана чрезвычайная сессия Парламента. В речах ораторов, главным образом, представителей столицы, звучали опасения в связи с возникшей угрозой конституции, которую создавали объединения, вспыхивавшие мятежи и радикальная печать [21:5–11, 36–39].

Однако в этом вопросе немногочисленная группа оппозиционных вигов отстаивала противоположное мнение. Угроза конституции, полагали они, проистекала от пред-

ложенной кабинетом приостановки действия Хабеас корпус акта и других законов. Намерения правительства, по мнению Ч. Фокса, спровоцировали кризис, которого ещё не было в истории страны. Наступление на свободу слова и неприкосновенность личности Фокс расценивал как предоставление королю и его министрам власти над мыслями подданных. Это и создавало угрозу существования конституции в Англии [21:19–20, 41, 42].

Литература

1. *Айзенштат М.П.* Британия нового времени: политическая история. М., 2007.
2. *Айзенштат М.П.* Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019.
3. *Апрыщенко В.Ю.* Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д., 2006.
4. *Боллингброк.* Письма о пользе и изучении истории. М., 1978.
5. *Егоров А.А.* Уильям Питт Младший 1784–1806: решающие годы. Ростов н/Д.; Таганрог, 2017.
6. *Малкин С.Г.* Мятежный край Его Величества: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб, 2001.
7. *Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб, 2013.
8. *Семенов С.Б.* Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.
9. *Станков К.Н.* Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685-1701. СПб., 2016.
10. *Brown P.A.* The French Revolution in English History. London, 1923.
11. English historical documents. Vol. 8. London, 1956.
12. *Greenberg J.* The radical face of the ancient constitution. St. Edward's "Laws" in Early Modern Political Thought. Cambridge, 2001.
13. *Holt J.C.* Magna Carta. Cambridge, 1992.
14. *Stuart G.* An Historical Dissertation concerning the Antiquity of English Constitution. L., 1768.

15. *Wilkes J.* The First Part of History of England. Containing the Introduction. L., 1768.
16. *Hume D.* The History of England from the invasion of Julius Caesar to Revolution in 1688. Vol. 1–10. L., 1803–1818.
17. The Oxford history of Britain / Ed. K. O. Morgan. Oxford, 2001.
18. The Parliamentary history of England. Vol. 15.8. L., 1813.
19. The Parliamentary history of England. Vol. 22.9. L., 1815.
20. The Parliamentary history of England. Vol. 28.10. L., 1815.
21. The Parliamentary history of England. Vol. 30.11. L., 1815.
22. Three political Letters to a Noble Lord, concerning Liberty and Constitution. L., 1721.
23. The Revolution and Anti-Revolution Principles Stated and Compared. L., 1714.